

СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Как известно, главные характерные черты славянской письменности, ставшей во второй половине IX в. важным компонентом культурного развития Европы, были обусловлены ее функцией фиксации текстов на славянском языке с помощью специально созданного для передачи его звуков алфавита. В этом отношении славянская письменность в Европе IX в. не представляла собой уникального, неповторимого явления. Можно говорить о существовании во второй половине IX в. уже целой литературы на древненемецком и древнеанглийском языках. Правда, и в германских землях Каролингской империи, и в англо-саксонской Англии пользовались при этом латинским алфавитом, но в Европе IX в. существовали и народы, обладавшие собственной оригинальной системой письма. Например, народы Скандинавии, чья руническая письменность в раннем средневековье имела распространение и за пределами Скандинавского полуострова. Однако, несмотря на это, все же можно утверждать, что славянская письменность IX в. как культурное явление обладала своей особой, действительно неповторимой спецификой. Чтобы выяснить, в чем она заключалась, следует определить сферу действия и общественные функции письменности на национальном языке в различных европейских странах.

Анализ вопроса рационально начать с выяснения положения в главном политическом образовании тогдашней Европы — Каролингской империи. Как известно, появление во второй половине VIII в. первых письменных текстов на различных диалектах старонемецкого языка было тесно связано с реформами, осуществлявшимися в это время совместно государственной властью и церковными учреждениями. Главная цель реформ заключалась в приобщении всей массы населения к наиболее общим представлениям о христианском вероучении и нормах поведения христианина. С этой целью церковные соборы санкционировали перевод на немецкий язык текстов «Credo» и «Pater Noster», формул, которые должен был произносить грешник при публичном покаянии, а также образцов вопросов, которые священник должен был задавать верующему на исповеди и примерных ответов на них. Наконец, решения соборов предусматривали, что духовенство должно постоянно проповедовать народу «слово божье», и с этой целью был составлен образец подобной проповеди, известной под условным названием «Exhortatio ad plebem christianam» [1, с. 233—241].

Чтобы выявить, какую сферу общественной жизни должна была охватывать письменность на местном языке, следует подробнее коснуться некоторых моментов каролингского законодательства. Оно предписывало, чтобы «Credo» и «Pater Noster» знало наизусть все население страны. В связи с этим в решениях соборов подробно разъяснялось, как следует добиваться достижения этой цели. В решениях Майнцского собора 813 г. указывалось, что членам общины следовало отдавать детей в школу — в мо-

настырь или к священнику, чтобы те, выучив латинские тексты молитв, могли научить им членов семьи. Лишь для тех, кому это никак не удавалось, разрешалось чтение молитвы «на своем языке» [2, р. 271; 3, р. 240]. Таким образом, перевод молитв на немецкий язык не распространялся и не рекомендовался, а лишь допускался по необходимости. Тем самым предусматривалось, что распространение письменности на национальном языке будет ограничено весьма узкой сферой действия, определенной выше. Латынь и далее должна была оставаться языком богослужения, образования, внутрицерковной жизни и, наконец, деловой письменности (насколько она в то время существовала).

Правда, действительность уже в IX в. вышла за намеченные рамки, и вслед за переводами молитв и обрядовых формул к середине IX в. появились переводы таких сложных литературных текстов, как «Диатессарон» Татиана, трактат Исидора Севильского «De fide catolica», проповеди Августина. Появление этих текстов означало фактически новый важный этап в развитии немецкой письменной традиции, рождение немецкого литературного языка. Однако следует отметить, что ни капитулярии, ни решения церковных соборов, которых от конца VIII — первой половины IX в. сохранилось весьма много, не содержали рекомендаций о переводе текстов такого содержания. Появление этих переводов есть все основания рассматривать как плод инициативы отдельных очагов образованности на территории Восточно-Франкского королевства, инициативы, направленной на удовлетворение их собственных потребностей. Исследование рукописей, в которых сохранились интересующие нас тексты, позволило выяснить вопрос о назначении этих переводов: они должны были помочь читателю освоить сложный текст латинских оригиналов, помещенных в рукописях параллельно с немецким текстом. Неслучайно и порядок слов, и грамматические конструкции немецкого текста педантично следовали за латинским [4, s. 263—276; 1, s. 245—246]. Аналогичным целям служила и деятельность сен-галенского монаха Ноткера, который в конце X в. осуществил перевод на немецкий язык цикла пособий, использовавшихся для обучения в средневековой школе. Об этом убедительно говорит сам смешанный характер перевода, где немецкие слова и выражения часто соседствуют с латинскими [1, s. 396—402; 5, р. 423—424]. Таким образом, в IX—X вв. немецкий язык широко проник в сферу образования, но выступал в ней в роли лишь вспомогательного, инструментального элемента.

К этому следует добавить, что наметившееся в IX в. формирование национальной письменной традиции в последующее время сильно замедлилось. В X в. деятельность Ноткера оказалась изолированным эпизодом, не влиявшим на общее положение дел. Как констатируется в современном курсе немецкой литературы, «столетие образования немецкого государства было одновременно столетием, когда не был создан ни один оригинальный памятник на немецком языке» [1, s. 402]. Количество переводов также резко сократилось. В этом нельзя не видеть стойкого воздействия традиций, отводивших «местному» языку второстепенное, не самостоятельное место в системе средневековой образованности и культуры.

Положение в англо-саксонской Англии в ряде пунктов существенно отличалось от того, что мы можем наблюдать на континенте. Прежде всего, здесь национальная письменность зародилась гораздо раньше и развивалась интенсивнее. «Верую» и «Отче наш» перевел на древнеанглийский язык еще Беда Достопочтенный в VII в. (распространение этого перевода было затем санкционировано церковными соборами), а к VIII в. относится уже возникновение целого цикла поэм, в которых христианские сюжеты и темы были изложены с использованием образов и поэтической техники народного эпоса [6, р. 444—447, 533]. Интересно, что здесь серьезные заботы об укреплении и развитии национальной письменной традиции проявляла государственная власть. В 80—90-х годах IX в. по инициативе короля Альфреда Великого был осуществлен перевод таких капитальных памятников средневековой образованности, как «Liber pastoralis» и «Диалоги» Григория Великого, «Об утешении философией» Боэция, некоторые сочинения Августина. Обоснование правомерности и необходи-

мости таких переводов было дано в предисловии к «Liber pastoralis», написанном от имени самого короля: «Закон сначала был создан на еврейском языке, а затем, когда греки изучили его, они переложили его, а также и все другие книги на свой собственный язык. А затем подобным же образом и римляне, когда они изучили их, переложили их с помощью мудрых переводчиков... на свой собственный язык. Поэтому .... кажется мне правильным..., чтобы мы также перевели несколько книг, которые нужно знать всем, на язык, который мы все можем понять» [7, р. 380]. Из этих высказываний, пожалуй, можно было бы сделать вывод о сознательном стремлении реформатора утвердить английский язык в тех сферах общественной жизни, где ранее безраздельно господствовали латынь и греческий. Однако такой вывод был бы преждевременным, так как в заключительной части предисловия разъяснялось, что те, кто желает стать клириками, выучившись английскому, должны продолжить свое обучение и научиться латыни. Положение латыни как языка богослужения и средневековой образованности реформами Альфреда не было поколеблено. В дальнейшем развитии национальной письменной традиции и здесь натолкнулось на препятствия (уже в X в. инициатива перевода Библии, вышедшая из среды англо-саксонской аристократии, встретила сопротивление церковных кругов), а в XI в. наступил ее упадок. Неизвестный клирик конца XI в. писал: «Святой Беда родился в Британии среди нас и прилежно переводил книги, с помощью которых получал наставления английский народ... Теперь обучение оставлено и народ заброшен» [5, р. 378].

Общеизвестна значительная специфика культурного развития народов Скандинавии вообще, и Исландии в особенности, наиболее ярко проявившаяся именно в период раннего средневековья. Хотя широкое распространение письменности (уже с латинским алфавитом) в этом регионе имело место в основном после 1000 г., формирование национальной письменной традиции происходило здесь с невиданным размахом. Именно на почве Исландии была произведена уникальная в Европе того времени письменная фиксация разных видов устного народного творчества, что в конечном счете и сделало древнеисландскую литературу явлением всемирно-исторического значения. И все же знакомство с исландским письменным наследием показывает, что исландская письменность обслуживала (хотя и очень широким образом) потребности лишь светской части общества и лишь в том, что касалось ее светской жизни. В сфере богослужения, внутрицерковной жизни и религиозной образованности латынь господствовала еще более безраздельно, чем на континенте. Так, на исландский язык не было переведено ни одно из средневековых школьных пособий, а в поэзии на христианские темы почти полностью отсутствуют библейские сюжеты, что говорит о малом знакомстве исландцев с этим произведением. Перевод Нового завета на исландский язык относится лишь к XVI в., к эпохе Реформации [8, s. 287].

Охарактеризовав главные особенности процессов зарождения и развития национальной письменности в отдельных европейских странах, обратимся к аналогичному процессу у славян.

Первые известные в настоящее время записи на славянском языке представляют собой переводы с латинского или старонемецкого, осуществленные немецкими миссионерами, действовавшими на территории Хорутании и Великой Моравии в первой половине IX в. Набор переведенных текстов («Оглашение», «Верую», записи вопросов, которые следовало задавать верующим на исповеди и возможных ответов на них) довольно точно соответствовал тому кругу сочинений, распространение которых на местном языке было санкционировано решениями каролингских церковных соборов. Само создание первых славянских текстов означало появление нового важного элемента в европейском культурном развитии, но на первом этапе своего существования эта письменность по своему характеру ничем принципиально не отличалась от письменности на старонемецком или староанглийском языке [9].

Положение резко изменилось с приходом в Моравию Константина и Мефодия и началом их переводческой практики. Представляется принци-

пально важным, что их деятельность началась с перевода евангелия-апракос, т. е. текстов, выбранных из евангелий, читавшихся во время богослужения [10, s. 100]. Разумеется, в резком противоречии с традициями латинского Запада был выбор для перевода текста из самой авторитетной и священной части Писания. Однако для рассматриваемой темы еще более существенно, что речь шла о тексте, предназначенном для публичного чтения перед верующими во время церковной службы. Такой выбор свидетельствовал о сознательном стремлении заменить латинские и греческие тексты славянскими при отправлении духовенством одной из его главных общественных функций. Это полностью подтверждается всем дальнейшим ходом переводческой работы, которая вскоре после приезда Константина в Моравию завершилась тем, что он, по свидетельству его «Жития», «весь церковный чин перевел», и все богослужение стало отправляться на славянском языке [10, s. 102].

Переводческая деятельность Константина и Мефодия была продолжена Мефодием и его учениками в Великой Моравии в 70—80-х годах IX в. Из числа переведенных ими текстов следует особо выделить юридические памятники, как, например, «Заповеди святых отцов» — епитемийник, в котором устанавливались церковные санкции для духовных и светских лиц за нарушение норм христианского правопорядка, или «Номоканон» Иоанна Схоластика — сборник постановлений церковных соборов, определявших как нормы внутрицерковной жизни, так и характер взаимоотношений церкви с остальным обществом. Перевод этих текстов позволил осуществлять управление церковной организацией, опираясь на тексты на славянском языке. Тем самым славянская письменность стала обслуживать еще одну важную сферу общественной жизни, в которой в странах Западной Европы господствовала (почти безраздельно) латынь [11].

Изучение первых памятников славянской литературы и историографии — «Житий» Кирилла и Мефодия — показывает, что расширение области применения славянской письменности отражало сознательное стремление и самих ее создателей, и тех общественных сил, которые их поддерживали, к формированию такой славянской письменной традиции, которая могла бы обслуживать потребности общества во всех тех сферах его жизни, где было необходимо использование письменного текста. Разумеется, в Великой Моравии 60—80-х годов IX в. столь обширного корпуса текстов еще не было создано, но в целом, если говорить о сфере богослужения, церковной жизни и образования, эта задача была в полном объеме решена совместными усилиями учеников Мефодия и болгарских книжников Первого Болгарского царства в последних десятилетиях IX — первых десятилетиях X в. Появление на славянском языке циклов проповедей и похвальных слов, переведенных и составленных Климентом Охридским и Константином Преславским, переводов богословских сочинений и памятников византийской историографии, создание оригинальных исторических и полемических сочинений — вот наиболее заметные признаки полного утверждения славянской письменности в этих областях общественной жизни [12].

Следующий важный этап расширения рамок славянской письменной традиции, который можно считать завершающим для периода раннего Средневековья, может быть прослежен на восточнославянском материале. Появление берестяных грамот (наиболее ранние из ныне известных датируются уже XI в.) означало зарождение деловой письменности на славянском языке, и тем самым окончательное превращение славянского письма в инструмент, обслуживающий нужды общества во всех сферах его жизни — от торжественного богослужения до будничной повседневности [13; 14].

Разумеется, нельзя не учитывать неравномерность формирования национальной письменной традиции в отдельных славянских странах, равно как и немалые препятствия, возникавшие подчас на пути ее развития. Эти препятствия, как известно, привели к серьезным временным трудностям в развитии славянской письменности в Хорватии и Болгарии (времен византийского завоевания), к упадку славянской письменности в Чехии

второй половины XI—XII вв. При более близком рассмотрении, однако, становится очевидным, что все эти препятствия, если их рассматривать в широком плане, были результатом действия политических сил и культурных традиций, внешних по отношению к славянскому миру. В тех случаях, когда действие этих внешних факторов не имело места, как у восточных славян, происходил непрерывный процесс поступательного развития национальной письменной традиции, при котором наряду с национальной письменностью, обслуживающей всю совокупность общественных потребностей в письме, не существует другой письменной традиции, занимающей сколько-нибудь самостоятельное место. Правда, в отдельных монастырях — очагах средневековой образованности Киевской Руси — книжники внимательно штудировали, как мы теперь знаем, достаточно широкий круг не только греческих, но (в XI в.) и латинских текстов, однако и их деятельность практически не умаляла доминирующей роли славянской письменности, подобно тому, как деятельность книжников Фульды или Рейхенау, переводивших на немецкий язык богословские тексты в IX в., не могла поколебать доминирующей позиции латыни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Geschichte der deutschen Literatur*. Bd. I, Hb. 1. Berlin, 1963.
2. *Monumenta Germaniae Historicae. Legum sectio III. Tomus II. Concilia aevi Carolini I. Hannoverae et Lipsiae*, 1906.
3. *Clercq de C. La législation religieuse franque de Clovis à Charlemagne*. Louvain — Paris, 1936.
4. *Ehrisman G. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters*. Bd. I. München, 1918.
5. *The Cambridge history of the Bible*, t. II. *The West from the Fathers to the Reformation*. Cambridge, 1969.
6. *Riché P. Education et culture dans l'Occident barbare. VI-e — VIII-e siècles*. Paris, 1962.
7. *Laistner M. L. W. Thought and Letters in Western Europa ad 500—900*. London, 1957.
8. *Lange W. Studien zur Christlichen Dichtung der Nordgermanen (1000—1200)*. Göttingen, 1958.
9. *Isačenko A. V. Začiatky vzdělanosti vo Vel'komoravskejříši*. Turčianský Sv. Martin, 1948.
10. *Magnae Moraviae Fontes Historici*. T. II. Brno, 1967.
11. *Вашица Й.* Кирилло-Мефодиевские юридические памятники. — В кн.: *Вопросы славянского языкознания*, вып. 7. М., 1963.
12. *Георгиев Е.* Разцветът на българската литература в IX—X вв. София, 1962.
13. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
14. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975.